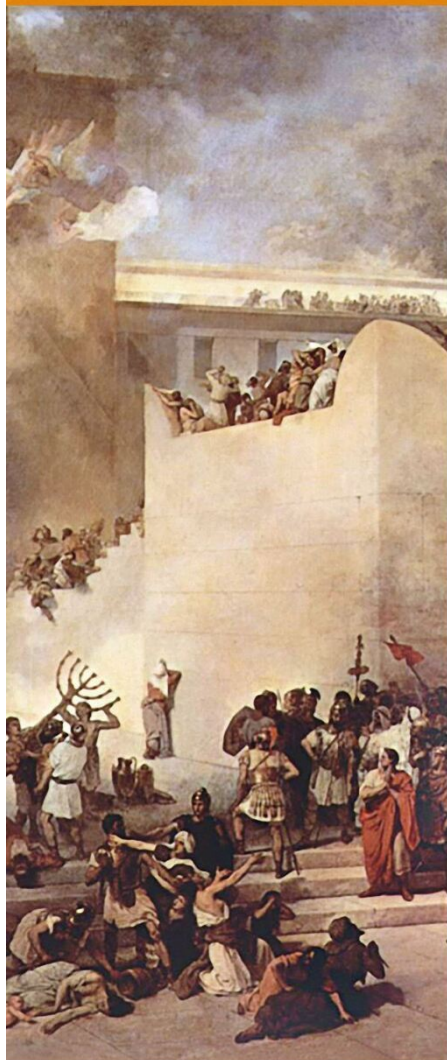

ИОСИФ ФЛАВИЙ

Темп
Люкисон

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Петр Люкимсон

**Иосиф Флавий:
История про историка**

«ВЕБКНИГА»

2023

Люкимсон П. Е.

Иосиф Флавий: История про историка / П. Е. Люкимсон —
«ВЕБКНИГА», 2023 — (Жизнь замечательных людей)

ISBN 978-5-235-04801-0

Книга рассказывает о знаменитом еврейском историке и политическом деятеле I века нашей эры Иосифе Флавии (Иосифе бен Маттитьягу), очевидце, активном участнике и летописце Иудейской войны – грандиозного восстания евреев против владычества римлян. О главных событиях этой войны, самых трагических в истории еврейского народа, – гибели Иерусалима и разрушении Иерусалимского Храма, – мы во многом знаем именно из его сочинений. Но кем был их автор: предателем своего народа (каким в течение почти двух тысячелетий считало его большинство евреев), подручным римских цезарей, получившим право носить их родовое имя – Флавий, и в угоду им сочинявшим свои исторические труды – или же человеком, преданным вере отцов и пытавшимся до конца жизни отстаивать интересы своего народа? Какое значение для апологетики христианства имеют свидетельства Флавия о личности Иисуса Христа и почему его книги еще в древности были переведены на многие языки (в том числе на древнерусский)? Такие вопросы ставит перед собой автор книги, известный израильский писатель, историк и журналист Петр Люкимсон.

ISBN 978-5-235-04801-0

© Люкимсон П. Е., 2023

© ВЕБКНИГА, 2023

Содержание

Предисловие	5
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Петр Люкимсон Иосиф Флавий История про историка

Предисловие

*История не терпит суесловья.
Трудна ее народная стезя.
Ее страницы, залитые кровью,
Нельзя любить бездумною любовью,
И не любить без памяти нельзя.*

Ярослав Смеляков

Я долго думал, с чего начать эту книгу, и, наконец, решил начать с правды. Я шел к ее написанию больше сорока пяти лет – с того самого дня, когда мне, двенадцатилетнему мальчишке, совершенно случайно попал в руки седьмой том из собрания сочинений Лиона Фейхтвангера с романом «Иудейская война».

Роман был проглочен залпом, за один день, и с того дня на всю оставшуюся жизнь я заболел Иосифом Флавием. Да что там заболел – с того времени, уже после прочтения двух других романов трилогии – «Сыновья» и «Настанет день», – я часто то отождествлял себя с Иосифом, то ненавидел его. Как и Иосиф, я ненавидел Рим и вместе с тем, так же, как и он, был очарован его государственной мощью, его великой культурой и искусством.

В то же время часто в своем воображении я оказывался по ту сторону фронта, на которой находился Иосиф, – я видел себя среди последних защитников Иерусалимского Храма, я был среди его священников, продолжавших службу так, словно римляне еще не ворвались в Храм, не обращая внимания на то, как они закалывают мечами стоявших рядом с ними товарищей, и не думая о том, что еще несколько секунд – и придет их очередь.

Я стоял вместе с последними из этих священников на крыше охваченного огнем Храма и бросал вверх ключи от него, успевая увидеть протянувшуюся с Неба и подхватывающую ключи руку прежде, чем эта крыша обрушится и увлечет меня за собой в огненную бездну...

Затем так уж получилось, что почти любая моя работа так или иначе требовала обращения к книгам Иосифа Флавия, и они всегда стояли в первом ряду моей домашней библиотеки – чтобы в любой момент оказаться под рукой.

Все эти годы я продолжал безмолвный диалог с Флавием, то соглашаясь с ним, то уличая в двуличии и эгоизме, то споря до хрипоты о самых главных ценностях бытия – о том, чем отличается подлинная вера от слепого фанатизма, о чести и бесчестии, о свободе выбора и свободе как таковой, которая должна быть для человека дороже самой жизни. Эти споры не прекратились и по сей день, но недавно я заметил, что чем старше становлюсь, тем чаще с ним соглашаюсь.

Одновременно я стал понимать, что хотя Фейхтвангер перед написанием трилогии перемолол всю имевшуюся на тот момент литературу об Иосифе Флавии, в биографии последнего столько лакун, что он, Фейхтвангер, просто не мог не примешивать к историческим фактам свою неисчерпаемую писательскую фантазию.

Впрочем, и в научной литературе о Флавии нет недостатка. Скорее наоборот: за столетия о нем накопилось столько книг и статей, что только для их прочтения понадобится несколько

лет. Автор этой книги, безусловно, использовал их в своей работе – как замечательные статьи переводчиков и комментаторов произведений Флавия на русский язык Г. Г. Генкеля¹ и Я. Л. Чертка², так и блистательные монографии современных английских историков Тессы Раджак³ и Десмонда Сьюарда⁴ и израильского историка Давида Флуссера⁵, а также многие другие. Но все эти работы слишком академичны, адресованы довольно узкому кругу профессиональных историков, занимающихся историей античности, иудаизма и христианства, и далекому от этих тем читателю почти наверняка покажутся скучными и утопающими в многословии.

Впрочем, читатель вправе задаться вопросом о том, можно ли вообще написать увлекательную научно-популярную книгу о судьбе историка?! Разве все люди не делятся на две категории – тех, кто творит историю, и тех, кто потом о ней пишет? История жизни первых и в самом деле обычно безумно интересна. А вот вторые всю жизнь проводят в архивах, за письменным столом или на лекциях в университетской аудитории. Они обычно так увлечены прошлым, что им некогда даже по-настоящему влюбиться, а самой большой драмой в их жизни становится ожесточенная грызня с коллегами по поводу точной даты того или иного события или вопроса о том, какой именно была температура воздуха во время битвы под Аустерлицем. Так стоит ли вообще тратить время на книги об их скучной жизни?!

Но это все же не совсем так.

Так уж устроены люди во все времена, что невольно начинают обращаться к событиям прошлого, чтобы найти ассоциации с современностью, извлечь из этого прошлого хоть какие-то уроки, а также примерить одежды великих полководцев и политических лидеров иных времен на своих современников. Как следствие, труды историков невольно начинают влиять (причем порой весьма значительно) на мнение и мировоззрение пусть и не самой многочисленной, но зато активной части общества, что почти всегда делает настоящего историка общественно значимой фигурой, а историю – злободневной и отнюдь не безопасной наукой.

Чтобы понять это, достаточно почитать воспоминания современников о том, что творилось в Санкт-Петербурге, когда туда для чтения цикла своих лекций приехал из Москвы В. О. Ключевский. Или о том, сколько студентов с самых разных факультетов набивалось на лекции Е. Тарле, Н. Эйдельмана или Л. Гумилева (хотя последний вроде бы занимался «веками отдаленными»).

Таким образом, вольно или невольно любой выдающийся историк оказывается вовлеченным в дела и беды своего времени. Ему так или иначе приходится вступать во взаимоотношения с властью, которая всегда требует удобного для нее освещения прошлого и которую мало интересует историческая правда. Да и не только власть – любой народ в массе требует от отечественных историков и писателей комплиментарной версии собственной истории и порой крайне болезненно реагирует на эту самую историческую правду.

Следует признать, что далеко не всем историкам было дано мужество твердо отстаивать свою точку зрения на прошлое, а соответственно, и на настоящее. Тем же, кто все же на такое решился, нередко приходилось заплатить за верность принципам необычайно высокую цену. Да, в итоге они заслуживали благодарную память потомков, но до этого сгнивали в тюрьмах и лагерях, а их труды либо уничтожались, либо на многие годы оказывались в спецхранах, не оказывая никакого влияния на умы и чувства нескольких поколений.

---

¹ Генкель Г. Г. Флавий Иосиф, его жизнь и творчество. Исторический очерк. – В кн.: *Иосиф Флавий. Иудейские древности*. В 2 т. М.: КРОН-ПРЕСС, 1996. С. 285–324.

² Черток Я. Л. Введение переводчика. – В кн.: *Иосиф Флавий. Иудейская война*. СПб.: «Орел», 1991.

³ Тесса Раджак. Иосиф Флавий. Историк и общество. И-м; М.: Гешарим – Мосты культуры, 2017.

⁴ Десмонд Сьюард. Предатель из Иерусалима. Иосиф бен Маттитьягу, Массачета и разрушение Иудеи. Изд-во «Кинет-Змура бейтан». Ор-Иегуда, 2011 (ивр.).

⁵ Флуссер Давид. Иосиф Флавий. И-м: Изд-во «Модан», 2018 (ивр.).

Но многие их выдающиеся коллеги выбирали другой путь – они учились «проходить между каплями»; учились тому, как одновременно донести до широкого читателя ту правду, которую считали нужным сказать, и избежать обвинений в нелояльности. Именно эти историки и писатели, как ни странно, и становились в итоге провозвестниками перемен к лучшему, а подчас и главными духовными двигателями этих перемен.

Такой фигурой, вне сомнения, является и герой этой книги, которому при жизни не раз приходилось идти на компромиссы с совестью и убеждениями и которому в течение многих веков после смерти его соплеменники предъявляли тяжелые обвинения в предательстве, лизоблюдстве, продажности, лживости и прочих смертных грехах. Но при этом его книги были и остаются важнейшим, а нередко единственным достоверным источником, рассказывающим о том, что происходило в Иудее во время «великого восстания» евреев против Рима, а также в предыдущие столетия. Ну а налет субъективности и политического угодничества, который и в самом деле присутствует в его трудах, зачастую столь легко снимается, что вполне позволяет восстановить подлинную картину событий.

Кроме того, в первой половине своей жизни Иосиф Флавий был как раз не тем, кто пишет историю, а тем, кто ее непосредственно творит, – сначала в качестве активного деятеля партии фарисеев («прушим») и дипломата, затем в роли коменданта мятежной Галилеи, а после – приближенного командовавшего римской армией, будущего императора Тита Веспасиана.

Непреходящий интерес к событиям, свидетелем и летописцем которых стал Иосиф Флавий, объясняется как их исторической уникальностью, так и тем огромным влиянием, которое они оказали на всю последующую судьбу человечества.

Следует понять, что восстание в Иудее отнюдь не было еще одним мятежом в одной из самых маленьких провинций великой и непоколебимой на тот момент Римской империи.

Это было, прежде всего, столкновение языческой греко-римской и монотеистической цивилизаций, придерживающихся совершенно различных систем ценностей. Если первая требовала беспрекословного подчинения власти цезаря и его законам, то вторая настаивала на том, что есть только один вечный Закон – тот, который был дан Богом на горе Синай, и лишь его следует придерживаться, а если какой-то цезарь издает собственные законы, то их следует исполнять лишь до тех пор, пока они не противоречат заповедям Творца всего сущего.

Если первая строилась на рабовладении (правда, рабство в Риме было отнюдь не таким, как принято думать), то вторая поднимала на щит идею, что человек может быть исключительно рабом Бога, а его личная свобода является высшей ценностью, ради которой подчас стоит и умереть. Если в Риме на первое место ставился долг перед отечеством, то в Иудее – долг перед Богом. Римской идее технического прогресса как несущего благо человечеству евреи противопоставляли идею справедливого устройства общества, основанного на заповеди любви к ближнему, как к самому себе...

Словом, нестыкровок в самом отношении к мироустройству между этими двумя цивилизациями было столько, что столкновение между ними становилось неизбежным, а до идеи еврейского философа Моше Гесса (1812–1875) о том, что подлинное счастье человечества достижимо лишь путем синтеза лучшего, что создано этими двумя типами общества, было еще очень и очень далеко⁶. Так что немецкие теологии М. Хенгель и А.-М. Швемер, видимо, правы, когда утверждают, что при всей важности экономических, социальных и прочих причин конфликт между евреями и Римом носил в первую очередь религиозный характер⁷.

Гибель Иерусалима и Иерусалимского Храма стала главной национальной трагедией еврейского народа, горечь которой ощущается до сих пор, несмотря на возрождение еврейской государственности на древней еврейской земле. Не случайно великий израильский писатель

---

⁶ См.: *Моше Гесс*. Рим и Иерусалим. Изд-во «Библиотека Алия», И-м, 1979.

⁷ *Хенгель Мартин, Швемер Анна-Мария*. Иисус и иудаизм (серия «Современная библеистика»). М.: ББИ, 2016. С. 112.

Шмуэль-Йосеф Агнон во время вручения ему Нобелевской премии в 1966 году начал свою речь словами: «Из-за исторической катастрофы, ибо разрушил Тит, государь Римский, Иерусалим и изгнал народ Израиля из своей страны, родился я в одном из городов изгнания. Но во все времена мнил я, будто родился в Иерусалиме».

Но эта же трагедия в итоге привела к тому, что христианство, говоря словами того же Гесса, окончательно вышло из лона иудаизма и, отделившись от него, стало превращаться в самостоятельную духовную силу, а затем и в ту мировую религию, которая уничтожила Рим как языческую империю. Что, если следовать Моше Гессу и Эрнесту Ренану, стало духовной победой иудеев над Римом – при всей разнице между «материнской» и «дочерней» религиями. И как раз для христианского мира сочинения Иосифа Флавия приобрели первостепенную ценность в качестве важнейшего доказательства того, что рассказ Евангелий имеет под собой неоспоримую историческую основу.

Этим в значительной степени объясняется то, почему сочинения Флавия так часто цитируются христианскими историками и почему последние приложили все силы для того, чтобы сохранить их для потомков.

Евреям, которые подвергли книги Флавия остракизму и даже наложили запрет на само упоминание его имени, предстояло оценить всю их ценность для своего национального этоса лишь спустя много столетий. Но сегодня большинство еврейских историков полагают все свои открытия, касающиеся эпохи Второго Иерусалимского Храма, именно по сочинениям Флавия, а религиоведам последние служат для анализа текстов Талмуда и установления степени их исторической достоверности⁸.

Вместе с тем Иосиф Флавий, вне сомнения, был гениальным писателем, чьи книги и сегодня читаются на едином дыхании. А также тем человеком, который во многом определил дальнейшее развитие истории как науки. Его стремление к объективному, а не «черно-белому» взгляду на исторические события, его система аргументации в дискуссии, вне сомнения, оказали огромное влияние на служителей Клио последующих столетий.

Всё вышесказанное и определило задачи, которые ставил автор при написании этой книги. Мне хотелось показать читателям, как сформировались личность Иосифа Флавия и его взгляды; что двигало выбором принимаемых им решений и какую роль он сыграл в Иудейском восстании 66–73 годов. Словом, дать его портрет на фоне эпохи и позволить читателю уже самому сделать выводы о том, как относиться к такой личности.

Для меня, безусловно, было важно свести воедино все имеющиеся многочисленные версии различных событий его жизни и попытаться докопаться до того, какая из них ближе к истине. Но не менее важно для меня было показать и его величие как писателя и историка, познакомить читателя с содержанием его книг и побудить их прочесть не в пересказе, а в том виде, в каком они были написаны.

При написании книги автор пользовался репринтным изданием «Иудейской войны» в переводе Я. Л. Чертока 1900 года, переизданным издательством «Орел» в 1991 году; изданием «Иудейских древностей» в переводе Г. Г. Генкеля 1996 года (издательство «Крон-пресс»); изданием *Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война. Против Апиона*. Полное издание в одном томе, выпущенном издательством «Альфа-книга» в 2021 году, а также книгой *Филон Александрийский. Против Флакка. О посольстве к Гаю. Иосиф Флавий. О древности еврейского народа. Против Апиона*, вышедшем в издательстве «Гешарим» в 1994 году, и «Жизнеописанием» – по публикации на интернет-сайте «Книгогид» (<https://knigogid.ru/books/1861113-zhizneopisanie-zhizn-iosifa-flaviya>).

---

⁸ См. напр. *Таль Илан, Веред Наам. Между Иосифом и мудрецами Талмуда*. В2 т. Изд-во «Яд Ицхак Бен Цви», И-м, 2017 (ивр.).

Изданий книг Иосифа Флавия на русском языке много, и чтобы не путать читателей ссылками на страницы какого-либо конкретного из них, я прибегаю к принятой в научной литературе кодировке его сочинений: «Иудейская война» обозначается, как «ИВ», а дальше идет через двоеточие номер книги, главы и подглавки; «Иудейские древности обозначаются» как «ИД» с указанием номера тома, книги и главы; «Жизнеописание» как «ЖО» с указанием номера главы и подглавки, а «Против Апиона» как «ПА» с указанием части, главы и подглавки. Такие же традиционные коды используются при цитировании текстов Священного Писания.

Также при написании этой книги автор активно пользовался книгами «Беседы по еврейской истории. Эпоха Второго Храма»⁹, «Популярная история евреев» Пола Джонсона¹⁰ и др.

Следует отметить, что многие герои этой книги были раввинами (слово «рав» обозначает одновременно «учитель» и «господин»), и потому при обращении к ним было принято перед произнесением имени добавлять слова «рав» или «рабби». Со временем в переводах еврейских источников на русский это обращение стало принято обозначать просто как «р.», и читатель должен быть готов к тому, что неоднократно встретит его на страницах книги.

Еще одна деталь, которую должен учесть читатель: у древних евреев не было фамилий в привычном нам смысле слова, и к людям было принято уважительно обращаться по имени и отчеству: «такой-то сын такого-то». На иврите слово «сын» звучит как «бен», но после вавилонского пленения (VI век до н. э.) евреи стали широко пользоваться родственным арамейским языком, в котором сын обозначается словом «бар». Оба эти слова вполне взаимозаменяемы, и то, какое из них конкретно использовалось, обычно зависело исключительно от закрепившейся привычки или контекста беседы.

Еще одной особенностью книги является то, что автор по возможности старался избегать слова «иудей», предпочитая ему слово «еврей», хотя Иосиф Флавий справедливо использовал эти два понятия как равнозначные. Дело в том, что в русском языке под словом «иудей» прочно закрепилось значение «исповедующий иудаизм», что в корне неправильно. Сам Флавий объяснял, что «иудей» является как раз понятием не религиозным, а географическим, – так стали называть в Вавилоне евреев, изгнанных из Иудеи. Затем название по стране исхода закрепилось, стало синонимом слова «еврей», и сами евреи стали называть себя «йегудим» – «выходцы из Иегуды (Иудеи)». Слово «еврей», как раз наоборот, обозначало национально-религиозную принадлежность, а не место жительства, и пришло время восстановить эту лингвистическую справедливость.

---

⁹ Беседы по еврейской истории. Эпоха Второго Храма / Под ред. И. Гольденберга. И-м: Изд-во МИЛИ, 1998.

¹⁰ Джонсон П. Популярная история евреев. М.: Вече, 2000.

Часть первая Герой

Глава 1 Маленький коэн

Иосиф Флавий родился в Иерусалиме в 36/37 году нашей эры в аристократической еврейской семье, принадлежащей к семье коэнов – потомственных священнослужителей Иерусалимского Храма.

С момента рождения каждый коэн предназначался для участия в храмовой службе – принесении предписанных жертвоприношений и воскурений, ведении праздничных молитв и благословении народа. Никто другой, кроме коэнов, не имел права выполнять эти функции, и исключительная роль в религиозной жизни народа определила их привилегированное положение в обществе. Потому Иосиф с полным правом мог начать свое «Жизнеописание» словами: «Род мой отнюдь не бесславный, но издревле берущий начало от священников (коэнов)» (ЖО, 1:1).

«Как у каждого народа благородство определяется разными причинами, так у нас причастность к священству есть признак знатности рода. Я же происхожу не просто из священников, но из первой череды из двадцати четырех (в этом также немалое отличие) и от знатнейшего в ней рода» (ЖО, 1:1), – добавляет он далее.

Что ж, это и в самом деле, по меньшей мере отчасти, так. Пятикнижие Моисеево на веки вечные закрепило за потомками Леви, третьего сына праотца Якова, статус служек, певчих и музыкантов при Храме, а также учителей Закона и исполнителей ритуальных услуг. Но в той же Торе Всевышний через пророка Моисея (тоже, по сути, левита) правом вести храмовые службы наделяет только прямых потомков его брата Аарона по мужской линии. Так что родиться коэном, безусловно, было дано не каждому¹¹.

Хотя для всех храмовых работ ежедневно требовалось не менее пятисот священнослужителей, работы на всех коэнов, число которых к I веку н. э. составляло десятки тысяч, попросту не хватало. Поэтому все они были разделены на 24 смены, каждая из которых проводила службу в Храме дважды в год в течение недели. Каждая смена, в свою очередь, состояла из представителей семи коэнских семей. Таким образом, каждая семья служила один день. Так как любая работа, связанная с жертвоприношением, считалась почетной, то внутри семьи роли во время службы определялись по жребию. А если учесть, что каждая семья насчитывала сотни и сотни мужчин, то коэн мог прожить жизнь, но так и не удостоиться участия в храмовой службе (хотя и обязан был находиться в постоянной готовности к исполнению этой своей миссии).

Говоря о том, что все его предки были «священниками первой череды», Иосиф тем самым подчеркивает, что им была предоставлена честь служить в самую почетную и ответственную первую смену, приходившуюся на великий осенний праздник Новолетия. Ну а то, что вдобавок они были из знатнейшего из семи родов этой первой смены, безусловно, возносило их едва ли не на самую вершину пирамиды еврейского общества.

---

¹¹ Память о принадлежности к сословию коэнов передается в их семьях от поколения к поколению по сегодняшний день. В наши дни их обычно легко отличают от других евреев по фамилиям. Носители фамилий Коэн, Коган, Каган, Каганович, Кац (аббревиатура слов «коэн цадик» – «праведный коэн») и т. п. почти всегда являются коэнами. Также высока принадлежность к коэнам у лиц с фамилиями Аронов, Аронович, Азулай, Раппопорт др.

Наконец, врожденную принадлежность будущего автора «Иудейской войны» и «Иудейских древностей» к сливкам общества усиливало родство с царским родом Хасмонаев (Хашмонаев) – тех самых Маккавеев, которые в 166 году до н. э. подняли восстание против правившего империей Селевкидов царя Антиоха IV Епифана. Несмотря на то, что кознам запрещено брать на себя царскую власть, Аристокл, внук первого вождя восстания Маттафии (Маттитьягу) Хасмоная в 104 году до н. э. объявил себя царем. родоначальником этой династии обычно считают сына Маттафии Йонатана, ставшего первосвященником и правителем (этнархом) Иудеи в 152 г. до н. э.

С этнархом Йонатаном Иосиф и связывает свое родство с царским домом.

«С материнской же стороны я царского рода. Ибо потомки Хасмонеев, от которых она происходит, очень долгое время были первосвященниками и царями нашего народа. Вот моя родословная. Прадедом моим был Симон, прозванный „Пселлом“. Он жил в то время, когда первосвященником был сын Симона первосвященника, тот, что первым из них принял имя Гиркан. У Симона Пселла было девять детей, одним из которых был Матфий, называемый Эфлиев. Он женился на дочери первосвященника Ионафана, ставшего первым первосвященником из дома Хасмонеев, брата первосвященника Симона. В первый год первосвященства Гиркана у него родился сын Матфий, прозванный Кирт. У того родился сын Иосиф в девятый год правления Александра, а у Иосифа Матфий в десятый год царствования Архелая, а у Матфия я сам в первый год принципата Гая Цезаря» (ЖО, 2–5).

Судя по всему, у Иосифа при жизни было немало недоброжелателей, подвергавших сомнению знатность его происхождения. Именно поэтому он так подробно его описывает, а в заключение еще и ссылается на якобы лично виденные им записи актов гражданского состояния, подтверждающие его слова.

Однако вслед за современниками недоверие к этой родословной выражают и Талмуд¹², и многие историки. Во-первых, они обращают внимание на то, что Иосиф Флавий рассказывает свою генеалогию очень запутанно, что обычно ему несвойственно. Во-вторых, из его рассказа следует, что к царскому роду принадлежал его отец, а не мать, как он сам это утверждает. В-третьих, сама представленная им хронология не вызывает доверия – получается, что прадед Иосифа родился за 170 лет до его рождения, а это просто невероятный временной разрыв.

Тесса Раджак тем не менее склонна считать эту генеалогию истинной. Проведя нехитрый подсчет, она приходит к выводу, что при таком раскладе деду Иосифа было семьдесят три года, когда родился его отец, а прадеду – шестьдесят пять лет, когда родился его дед. С учетом того, что у евреев во все времена считалось, что мужчина может завести семью и родить детей в любом, в том числе и в самом почтенном возрасте, в приведенных Т. Раджак данных нет ничего необычного.

Ссылка на записи актов гражданского состояния тоже говорит о многом – и в «Иудейских древностях», и в трактате «Против Апиона» Иосиф пишет о том, что такие записи о родословной священников делались на медной или бронзовой дощечке, тщательно сохранялись в архивах крупных городов, а когда после Иудейской войны часть их была утеряна, оставшиеся в живых коэны первым делом занялись их восстановлением (ПА, 1:7). И та уверенность, с которой он в «Иудейских древностях» пишет, что хочет успеть написать автобиографию, «пока еще живут те, кто может опровергнуть или подтвердить» написанное, также является подтверждением подлинности его родословной.

¹² Талмуд (букв. «изучение») – сборник из 63 трактатов в шести частях, включающий в себя предания и диспуты мудрецов по различным аспектам выполнения законов Священного Писания. Согласно традиции, со времен пророка Моисея передавался изустно и окончательно был кодифицирован только в VI веке н. э.

Вдобавок из приведенной Иосифом генеалогии видно, что имя Маттафия является в их семье родовым, что опять-таки очень характерно для евреев. Сам Иосиф был назван в честь своего деда, то есть его отец был Маттафием бен Иосиф¹³.

Наконец, в «1-й Параполименеоне» (24:7—18) приводятся результаты жеребьевки между 24 родами коэнов, и нести первую смену в ней выпадает Иегоиариву. Хасмонеи как раз были потомками Иегоиарива, и эта деталь также подтверждает слова Иосифа.

Что же касается того, что Иосиф утверждает, что он принадлежит к царскому роду со стороны матери, а из текста следует, что на самом деле речь идет о предках отца, то и в этом на самом деле нет никакого противоречия. Как известно, Тора¹⁴ запрещает коэну жениться на разведенной, блуднице, прозелитке или дочери коэна, рожденного от запретного ему брака, и в связи с этими ограничениями коэны предпочитали жениться на двоюродных и троюродных сестрах и племянницах. Таким образом, вполне возможно, что к роду Хасмонеев относились как мать, так и отец Иосифа.

На самом деле вопрос заключается не в том, насколько верно представил Иосиф Флавий свою генеалогию в «Жизнеописании», а в том, насколько он преувеличил значение принадлежности к коэнам для положения в обществе в современную ему эпоху.

Судя по всему, Флавию, по понятным соображениям, очень хотелось представить еврейское общество как иерократию, в которой священники играют роль правящего класса. Но из Талмуда и дошедших до нас других источников того времени ясно следует, что авторитет коэнов к концу I века до н. э. – началу I века н. э. был в народе в значительной степени подорван. Избранные в Синедрион (Сангедрин) за свои познания в Торе, умение толковать ее законы и применять их на практике «хахамим» – мудрецы – пользовались куда большим почетом, чем входившие в него урожденные священнослужители – главы тех самых 24 смен Храма, сформировавшие, по сути дела, храмовую олигархию.

Уже за столетие до рождения Иосифа председателем Синедриона отнюдь не обязательно должен был быть первосвященник. Так, в 38–32 годах до н. э. главами Синедриона были мудрецы Автальон и Шемая, которые вели свое происхождение от прозелитов – принявших иудаизм потомков ассирийского царя Санхерива, угнавшего в плен десять колен Израиля.

Однажды, рассказывает талмудический трактат «Йома» (71б), когда огромная толпа, сопровождавшая первосвященника после окончания службы Йом Кипура (Судного дня), увидела Шемаю и Автальона, народ оставил первосвященника и окружил двух мудрецов.

Уязвленный столь откровенным пренебрежением, первосвященник крикнул мудрецам, намекая на их нееврейские корни: «Проходите с миром, чужеземцы, своей дорогой!»

«Есть чужеземцы, которые стремятся к миру, следуя дорогой первосвященника Аарона, и есть потомки Аарона, которые пренебрегают его дорогой», – ответил на колкость Шемая, и, судя по всему, этот ответ был воспринят толпой с восторгом.

В первой половине I века н. э. этот процесс лишь усилился. Роль мудрецов, происходивших из разных слоев общества, непрерывно возрастала, приведя к появлению института раввинов.

В то же время принадлежность к потомственным священнослужителям, да еще и родство с Хасмонеями, вне сомнения, давали ребенку из такой семьи возможности, которых по определению не могло быть даже у выходцев из богатых семей «обычных евреев», не говоря уже о бедняках. И прежде всего открывали перед ним едва ли не с рождения двери в Иерусалимский Храм, а значит и путь к карьере внутри храмовой иерархии, которая могла в итоге привести его

¹³ Далее мы будем пользоваться другим, более распространенным в литературе вариантом этого имени – «Матитьягу», за исключением случаев, когда речь идет о цитировании.

¹⁴ Тора (букв. «теория, учение») – книга, известная в христианской традиции как «Пятикнижие Моисеево».

на пост первосвященника, члена и даже главы Синедриона или на какую-либо другую весьма значительную должность.

* * *

Отец Иосифа Маттитьягу, которого близкие называли просто Мати или Матей, был не только знатным, но и состоятельным человеком, что было отнюдь не само собой разумеющимся. Закон запрещал левитам и коэнам владеть землей; существовать они должны были на десятину, то есть на пожертвования, но на всех десятины, естественно, не хватало. Многие коэны жили в крайней бедности, зарабатывая на жизнь поденной работой или тем или иным ремеслом. В Иерусалиме большинство из них показывалось лишь на праздники Песах, Суккот и Шавуот, когда предписывалось совершать паломничество или когда приходило их время служения.

Однако были среди коэнов и настоящие богачи, преуспевшие в торговле, сумевшие скопить деньги на покупку земли или получившие ее от бедняков в качестве компенсации за неуплату долга.

Судя по всему, запрет на приобретение священнослужителями земельных участков начал нарушаться еще в период Вавилонского изгнания (597–539 годы до н. э.), когда многие земли продавались их хозяевами за бесценок. Именно в эти дни, к примеру, пророк Иеремия, бывший коэном, приобрел большой земельный участок в расположенной неподалеку от Иерусалима деревне Анатот – чтобы продемонстрировать этой покупкой неколебимую веру в то, что евреи рано или поздно вернутся на родину и отстроят Иерусалим. Владел такими земельными наделами и отец нашего героя.

Здесь в Иерусалиме, который евреи называли «пупом земли» и центром мира, и прошли детство и отрочество Иосифа и его старшего брата, носившего то же имя, что и отец. Дома коэнов располагались в Верхнем городе, считавшемся привилегированным кварталом, в который бедняки могли попасть только в качестве водоносов, метельщиков или другой прислуги.

Некоторые из этих домов в наши дни тщательно изучены. Обычно они почти мгновенно опознаются археологами как дома священнослужителей – по множеству ритуальных бассейнов («микваот») внутри дома и обилию каменной мебели и утвари. Объясняется это просто: каждый коэн должен был жить в постоянной готовности быть вызванным в Храм для служения, а для этого он должен был находиться в состоянии ритуальной чистоты, то есть омываться в микве после близости с женой, случайного прикосновения к какой-либо скверне и т. д., – отсюда и неперменный в таком доме ритуальный бассейн, иногда и не один. Ну а так как камень – это один из немногих материалов, через которые не передается ритуальная нечистота, то именно из камня в домах коэнов делались лежанки, скамьи и другие предметы мебели.

Особняки коэнов – членов храмовой олигархии – и других богатых иерусалимцев отличались изысканной архитектурой. Они и сегодня поражают своей красотой и размерами. Площадь некоторых составляет порядка 600 квадратных метров; их стены украшены фресками, а полы – изысканной мозаикой. В каждом таком доме был туалет с помещенным над выгребной ямой каменным или мраморным вполне удобным унитазом.

С Верхнего города хорошо просматривался остальной Иерусалим, который Иосиф вслед за многими своими современниками считал самым красивым и богатым городом мира. И у него были на то основания.

По своему значению Иерусалим, наряду с Римом, Александрией и Афинами, входил в четверку главных городов Римской империи, подмявшей под себя огромные пространства в Европе, Азии и Африке. Население Иерусалима без учета паломников в тот период составляло порядка ста тысяч человек. По этому показателю он, безусловно, уступал Риму, однако его изумительная красота, многократно усиленная стараниями Гордоса (Ирода) Великого не

оспаривалась никем. Именно Ирод построил в Иерусалиме великолепные стадион, амфитеатр и ипподром, без которых, с точки зрения жителей эллинистического мира, ни один населенный пункт не мог считаться полисом – городом в полном смысле этого слова. Но помимо этих важнейших атрибутов полиса Ирод возвел в своей столице и множество других архитектурных шедевров.

Вероятно, из родительского дома Иосифа была отлично видна Антония – располагавшаяся на скале в северо-восточной части Иерусалима бывшая резиденция Хасмонеев, капитально перестроенная Иродом в 35 году до н. э. Антония поражала не только мощью, но и красотой двойных каменных стен, а также четырех высившихся по углам башен. Высота трех из них составляла 25, а четвертой – 35 метров.

В дни Иосифа в Антонии размещался римский гарнизон – из крепости хорошо просматривалась значительная часть города, и в ней без труда можно было разместить больше двух тысяч воинов. В самом дворце располагались сотни залов и комнат, каждая из которых отличалась своими особыми фресками и особым убранством; вся мебель и домашняя утварь в этих залах была сделана из полудрагоценных и драгоценных камней, золота и серебра. Были здесь и внутренние дворики, и обеденная зала, в которой были свободно расставлены сто кушеток, а в подвальных помещениях располагались склады с запасами питья и продовольствия, а также тюремные и пыточные камеры. Под землей же тянулся ход из Антонии на территорию Храма, который в случае войны должен был стать следующим форпостом обороны.

Хорошо был виден из Верхнего города и Храма и другой дворец Ирода, также представлявший собой «город в городе». Он был окружен мощной стеной высотой 15 метров и состоял из комплекса зданий, с сотнями комнат и галерей, полы которых были выложены искусной мозаикой, стены либо расписаны фресками, либо облицованы мрамором и инкрустированы драгоценными и полудрагоценными камнями. При этом в каждой комнате можно было найти дорогую золотую, серебряную и стеклянную утварь.

Между различными зданиями дворца тянулись уютные скверы с беседками, множество купален и бассейнов, украшенных медными скульптурными композициями, из которых била вода.

И все же главной драгоценностью Иерусалима, да и всей восточной части Римской империи был, безусловно, Второй Иерусалимский Храм, отстроенный тем же Иродом с таким великолепием, что он во многом не уступал Первому Храму, построенному царем Соломоном.

«Внешний вид храма представлял все, что только могло восхищать глаз и душу. Покрытый со всех сторон тяжелыми золотыми листами, он блистал на утреннем солнце ярким огненным блеском, ослепительным для глаз, как солнечные лучи. Чужим, прибывавшим на поклонение в Иерусалим, он издали казался покрытым снегом, ибо там, где не был позолочен, он был ослепительно бел. Вершина его была снабжена золотыми заостренными шпиками для того, чтобы птица не могла садиться на храм и загрязнить его. Каменные глыбы, из которых он был построен, имели до сорока пяти локтей длины, пяти толщины и шести ширины. Перед ним стоял жертвенник вышиной в пятнадцать локтей, тогда как длина и ширина его были одинакового размера в пятьдесят локтей» – так опишет Иосиф Храм в «Иудейской войне» (ИВ, 5:5:6).

Сегодня уже немногие сознают, что большая часть наших знаний об Иерусалиме и Втором Храме, да и обо всей жизни древней Иудеи дошла до нас, в сущности, благодаря отменной памяти и наблюдательности маленького коэна Иосифа сына Маттафии, который увековечит их в своих книгах.

Храм был не только средоточием религиозной жизни еврейского народа, но и его главным духовным, культурным и административным центром, причем поистине гигантским. По оценкам историков, в нем на разных работах ежедневно было занято порядка 25 тысяч человек. Это были не только коэны и левиты, но и многочисленный обслуживающий персонал и подсобные рабочие.

В Храме располагались большие загоны для предназначенного в жертву скота, склады с запасами необходимых для священнослужения дров, муки и оливкового масла; гигантская казна и сокровищница, в которую складывались жертвоприношения евреев, устремлявшихся в Иерусалим со всех концов известного тогда мира; колоссальный архив и библиотека.

Наконец, на территории Храма заседал Синедрион, бывший, как уже сказано, высшим судебным и законодательным органом, определявшим практически все стороны повседневной жизни еврейского народа и возглавлявшийся «наси» – президентом, или, если угодно председателем Верховного суда.

Просторный зал заседаний Синедриона заканчивался большим полукругом, вдоль которого сидели семьдесят его членов, возглавляемые председателем – такая форма позволяла судьям видеть друг друга в момент обсуждения. Перед судьями стояли три ряда кресел, которые занимали «талмидей-хахамим» – буквально «ученики мудрецов», то есть мудрецы – кандидаты в члены Синедриона, следившие за всеми его обсуждениями и имевшие право высказать свое мнение, если они считали это необходимым.

У каждого талмид-хахама было свое место, четко определенное место, обозначавшее одновременно весомость его мнения. Когда приходило время сменить члена Синедриона, то брали одного из кандидатов из первого ряда. При этом один из кандидатов из второго ряда переходил в первый, а из третьего – во второй. Тем временем выбирали из народа следующего кандидата в члены Синедриона, причем он не обязательно занимал кресло выбывшего – его место в ряду определялось его знаниями и заслугами перед обществом.

Существуют разные мнения по поводу того, был ли Маттитьягу, отец Иосифа, членом или хотя бы кандидатом в члены Синедриона. Сторонники версии того, что Иосиф был сыном члена Синедриона, опираются среди прочего на следующую фразу «Жизнеописания»: «Отец мой Маттафий славился не только знатностью своего рода, но еще более заслужил похвалу за свою справедливость» (ЖО, 2:7).

По всей видимости, говорят они, под «справедливостью» имеются в виду те суждения, которые Маттитьягу высказывал на заседаниях Синедриона, демонстрируя тем самым, что он занимает это место отнюдь не только по праву рождения.

Но с учетом того, что речь, вероятнее всего, идет о греческой кальке с иврита, «его справедливость» можно перевести и как «его благотворительность». Дело в том, что помощь бедным, согласно иудаизму, отнюдь не является милостыней – давая ее, богатые евреи лишь восстанавливают преднамеренно нарушенную Всевышним в этом мире справедливость, а потому и пожертвование обозначается однокоренным с ним словом. Это означает, что Маттафия мог заслужить уважение общества и своей значительной помощью бедным, которых в его время в Иудее, да и за ее пределами хватало.

В любом случае отец нашего героя был, вне сомнения, известным и уважаемым не только в своей среде, но и в городе человеком, что, безусловно, благоприятно сказалось на последующей судьбе его сына.

* * *

Есть что-то символическое в том, что 37 год нашей эры, год рождения Иосифа бен Маттафия, стал одновременно годом великих потрясений в Риме и во всей империи, заложившим основу многих будущих трагедий.

Именно в этот год на римский престол был возведен 25-летний Гай Юлий Цезарь Август Германик, больше известный как Калигула.

Один из самых емких рассказов о Калигуле и его правлении мы находим в классическом учебнике по истории Древнего Рима Н. А. Машкина: «Калигула начал с амнистии всех осужденных при Тиберии, распоряжения которого были признаны недействительными. Донос-

чики были наказаны, закон об оскорблении величества перестал применяться. Было разрешено пользоваться книгами, запрещенными при Августе и Тиберии. В отличие от экономного Тиберия Калигула тратил громадные средства на театральные представления и постройку новых зданий. Первый период правления молодого императора характеризовался согласием между ним и сенатом. Но вскоре господствующие круги Рима должны были разочароваться. Молодой правитель стал проявлять стремление к злоупотреблению властью. Начались преследования, прежде всего лиц сенаторского сословия. Произвол доходил до таких пределов, что некоторые поступки Калигулы могли быть объяснены только его душевным расстройством. Подобно эллинистическим царям, Калигула считал себя неограниченным монархом. Некоторые приветствовали его как Юпитера Лацарского. Калигула установил особый церемониал, низкие поклоны, целование ног и пр. Значительные средства, собранные бережливым Тиберием, были израсходованы. Тогда Калигула прибегнул к разнообразным приемам, чтобы пополнить казну: конфисковалось имущество осужденных, устраивались принудительные аукционы, провинции должны были платить непомерные налоги»¹⁵.

К тому времени наследники Ирода успели в значительной степени промотать состояние своего маниакально жестокого, но отнюдь не глупого с государственной точки зрения предка, а самое главное – утратить обретенную им относительную самостоятельность от Рима.

Иудея окончательно превратилась в римскую провинцию, управляемую назначаемым из Рима прокуратором или префектом. Накануне рождения Иосифа как раз за непомерную жестокость с этой должности был смещен памятный многим Понтий Пилат. Потомки Ирода формально сохранили за собой звание царей, но стали, по сути, подчиненными Риму крупными феодалами, правившими Галилеей и частью Голанских высот и Заиордании.

Вступление на престол Калигулы привело и к благоприятному повороту судьбы внука Ирода Агриппы, который после казни дедом его отца был отправлен в Рим и воспитывался, по сути, вместе с Калигулой. Будучи участником многих попойек и оргий юного Калигулы, Агриппа не скрывал, что мечтает как можно скорее увидеть того на престоле. Однажды он провозгласил за это тост, за что и был отправлен Тиберием в тюрьму.

Но став императором, Калигула немедленно освободил друга детства, осыпал его милостями и даровал ему в правление Иудею, а затем, в 39 году, – и Галилею. Что, однако, отнюдь не означало возвращения еврейской государственности – Рим по-прежнему определял все стороны жизни евреев на их родине.

Тут, наверное, следует остановиться и сказать, что население той территории, на которой некогда располагались древние еврейские государства Иудея и Израиль, было к I веку н. э. необычайно пестрым.

После изгнания десяти колен на территорию бывшего Израильского царства ассирийцы переселили сюда несколько племен из Месопотамии, которых Иосиф Флавий называл хуфейцами. Они частично восприняли у соседей евреев иудаизм, который, впрочем, совмещали с языческими верованиями, и в итоге образовали новый народ – самаритян, называемых так по столице Израильского царства Самарии (Шомрону). Отношения самаритян с евреями менялись в зависимости от политической ситуации – они то демонстрировали желание слиться с ними и позиционировали себя как часть еврейского народа, то проявляли крайнюю враждебность и потому считались у евреев лицемерами. Знаменитая евангельская притча о добром самаритянине родилась именно как оппозиция такому распространенному мнению; выражение «добрый самаритянин» синонимично русской «белой вороне».

Кроме того, за время пребывания евреев под властью греков и римлян не только сами евреи широко распространились по территории Римской империи, но и представители эллинизированного языческого населения, обычно называвшиеся просто «греками», во множестве

¹⁵ Машикин Н.А. История Древнего Рима. М.: ОГИЗ, 1948. С. 404–405.

селились на их землях. В результате в стране появилось множество городов со смешанным населением, причем если в одних преобладало еврейское население, то в других «греки» ощутимо превосходили по численности евреев. Что немаловажно, многие из них были богаты и даже очень богаты, в то время как подавляющее большинство еврейского населения жило в бедности, а то и в нищете.

Часть этих новых жителей, кстати, принимала иудаизм, и их потомки считали себя евреями, чему есть немало свидетельств. Но большая часть оставалась язычниками, активно настаивала на своем праве, живя среди евреев, сохранять верность своим богам и обычаям, а также традиционному образу жизни – например, разводить и употреблять в пищу свинину, запрещенную евреям Торой.

Все это делало отношения между евреями и условными греками крайне напряженными, и нередко доходило до ожесточенных побоищ.

Неудивительно, что вскоре после прихода к власти Калигулы языческое население небольшого городка Явнэ решило перетянуть на себя чашу симпатий римской администрации, для чего воздвигло в городе жертвенник в честь нового бога – Калигулы.

Как и ожидалось, взбешенные евреи города тут же разрушили жертвенник, о чем было немедленно донесено римскому прокуратору, а затем и самому императору. Чтобы наказать евреев, Калигула повелел римскому наместнику в Сирии Петронию установить в Иерусалимском Храме свою позолоченную статую.

Спустя несколько дней Петроний двинул в сторону Иерусалима два легиона, так как прекрасно понимал, что попытка осквернения Храма приведет к мятежу и массовому кровопролитию. Тем временем евреи, узнав об указе императора, направили представительную делегацию в Птолемаиду¹⁶, где располагалась резиденция Петрония. Будущий автор великого романа «Сатирикон» втайне давно симпатизировал евреям и проявлял интерес к монотеизму, но при этом понимал, в какой сложной ситуации он оказался.

Приняв делегацию и убедившись в решимости евреев умереть, но не допустить осквернения Храма, Петроний выбрал самую мудрую в его положении тактику – решил тянуть время.

В письме императору он попросил его отложить церемонию установления его статуи в Храме, мотивируя это тем, что в Иудее наступила пора сбора урожая, а из-за беспорядков, которые неминуемо возникнут при выполнении повеления Калигулы, земледельцы не смогут продолжать сельскохозяйственные работы. Как следствие, Рим не досчитается значительной части налогов, а в стране начнется голод. Кроме того, мастера в Сидоне (Цидоне) еще не завершили работу над статуей, и она не будет готова в ближайшее время.

Петроний сообщил евреям содержание отосланной им депеши, но те не успокоились и в течение сорока дней оставались стоять у его дворца, дожидаясь ответа из Рима, – и в итоге указ Калигулы так и не был выполнен.

Иосиф Флавий рассказывает об этих событиях в «Иудейской войне», сопровождая их такими подробностями, словно сам был их очевидцем (ИБ, 1:10:1–5). Но понятно, что он по определению не мог помнить тех событий – он был еще младенцем. В то же время подробности и живость изложения невольно наводят на мысль, что еще в детстве Иосиф не раз слышал рассказ о них из уст непосредственных участников. Вероятнее всего, кто-то из друзей его отца входил в состав той самой еврейской делегации, которая отправилась в Птолемаиду. Вряд ли это был сам Маттитьягу – тогда Иосиф наверняка упомянул бы этот факт.

По параллельной, но совершенно не противоречащей версии тех событий, решающую роль в том, что статуя так и не была установлена в Храме, сыграл последний царь Иудеи Агриппа Первый. Воспитанный одновременно и в римском, и еврейском духе, он все же считал себя прежде всего евреем, причем евреем, самозабвенно преданным религии своего народа.

---

¹⁶ Современный израильский город Акко

Узнав в Иерусалиме о приказе друга своей юности, Агриппа упал в обморок – с одной стороны, он пришел в ужас от того святотатства, который задумал Калигула, а с другой – зная его бешеный нрав, понимал, чем может закончиться попытка ему перечить.

Придя в себя, Агриппа тут же написал императору письмо с просьбой об отмене приказа. При этом он подчеркнул, что таким шагом Калигула завоевал бы признательность всего разбросанного по империи еврейского народа, считающего Храм центром своей духовной жизни. Евреи – лояльные подданные, писал Агриппа, но их вера запрещает поклоняться статуям, а потому помещение статуи в Храме приведет к еврейскому восстанию во всех провинциях империи. «Если же ты твердо решил поместить свою статую в Храме и уничтожить еврейский народ, то сначала лиши меня жизни», – говорилось в заключительных строках письма внука Ирода.

В результате Калигула уступил и отправил Петронию следующее послание: «Если ты еще не поместил мою статую в Храме, не делай этого. Но я повелеваю не чинить никаких препятствий тем, кто пожелает установить алтари в мою честь в любом другом месте Иудеи». В том же письме Петронию было приказано покончить жизнь самоубийством, но весть о смерти Калигулы достигла Иудеи раньше императорского указа и вызвала ликование в Иерусалиме.

Однако в «Иудейских древностях» Иосиф излагает эти события несколько иначе. По его версии, Агриппа в это время был в Риме и именно там употребил всю силу своего влияния на безумного императора (ИД, 18: 8:7–9). И снова, читая этот отрывок, остается лишь поразиться знанию Иосифом кулуарных подробностей, которые могли быть известны лишь очень немногим и которые вновь и вновь косвенно доказывают, что он был весьма пытливым ребенком, с малых лет жадно впитывавшим в себя рассказы взрослых о тех событиях, современниками которых им довелось быть.

И значит, пришло самое время поговорить о том, какими были его детство и отрочество.

Глава 2

В поисках себя

Нет сомнений, что решающее значение на формирование личности Иосифа бен Маттитьягу оказала атмосфера, царившая в родительском доме.

Судя по намекам, содержащимся в его «Жизнеописании», этот дом был открыт для гостей, здесь часто бывал весь цвет тогдашнего иерусалимского общества, а среди близких друзей его отца числился и глава Синедриона Иехошуа бен Гамла (Иисус сын Гамлиэля), для которого его жена Марта, дочь богача Боэта, в начале 60-х годов I в. н. э. купила у царя Агриппы Второго звание первосвященника. Впрочем, по поводу датировки жизни и деятельности этого мудреца Талмуда до сих пор между историками и раввинами идут большие споры.

Первые, опираясь на сочинения Иосифа Флавия, убеждены, что он получил должность первосвященника в 64 году и пробыл на ней всего два года, после чего был убит по обвинению в предательстве. Талмуд настаивает на том, что жена Иехошуа бен Гамлы приобрела титул первосвященника для мужа у царя Александра Яная, правившего до 76 года до н. э., что выглядит, прямо скажем, не очень реально.

При этом в большинстве источников упоминается, что именно Иехошуа бен Гамла ввел в Иудее обязательное образование для мальчиков, начиная с шести лет. Для этого во всех городах и деревнях Иудеи при синагогах были созданы школы, в которых дети учились чтению и письму, изучали Пятикнижие, а затем и ряд книг пророков – при том, что корпус Священного Писания к тому времени еще не был канонизирован. Завершало обучение заучивание передаваемых изустно религиозных законов и высказываний мудрецов.

Введение в Иудее всеобщего обучения начиная с шести-семи лет, безусловно, было событием мирового значения, так как в итоге повлияло на формирование и развитие всей системы образования человечества. Однако по поводу того, когда именно это произошло, снова начинаются споры. Одни датируют указ Иехошуа бен Гамлы 64 годом, то есть первым годом его первосвященства, другие же относят его к 30—40-м годам, то есть ко времени детства Иосифа, когда бен Гамла уже входил в состав Синедриона, а возможно, и возглавлял его. Талмуд считает основоположником системы всеобщего образования в Иудее другого мудреца – Шимона бен Шеттаха, жившего на сто лет раньше Иехошуа бен Гамлы. Но в то же время подчеркивает, что именно последний претворил идею такого образования в жизнь и вдобавок значительно расширил программу обязательных школ.

Для нас в данном случае важно, что во времена детства Иосифа школы, предназначенные для детей из разных слоев общества, уже, безусловно, существовали. Но Маттитьягу и его жена решили не отдавать туда сыновей, а заниматься их образованием дома. Они, видимо, исходили из того, что в такие школы детей посылали те, кто в силу своего невежества попросту не мог выполнить заповедь, предписывающую отцу обучить сына Торе. После возвращения из Вавилонского плена значительная часть еврейского населения плохо знала иврит, говорила на арамейском языке и предпочитала читать Тору и другие священные книги по «таргумам» – переводам с иврита на арамейский.

Указ рабби Иехошуа бен Гамлы, таким образом, способствовал возвращению еврейского общества к родному языку. Но Маттитьягу явно был достаточно образован, чтобы самостоятельно учить детей ивриту и изучать с ними священные книги в оригинале.

«Я же, воспитываясь вместе с братом Маттафием (он был мне братом и по матери, и по отцу), много преуспевал в учении, отличаясь, как считали, памятью и разумением. Еще когда я был ребенком около 14 лет, меня все хвалили за любовь к книжности, так что великие священники и главы народа постоянно приходили, чтобы уточнить у меня что-нибудь из Закона», – сообщает Флавий о своем детстве (ЖО, 8–9).

Таким образом, нет никаких сомнений в том, что по отношению к Иосифу было выполнено указание мудрецов, согласно которому «с 5 лет надо приобщаться к Писанию; Мишну надо изучать с 10 лет, исполнять заповеди – с 13 лет; изучать Талмуд с 15 лет»¹⁷. В пять лет он приступил к изучению Пятикнижия, книг пророков, псалмов и «священных свитков» Эсфирь, Руф, «Песни песней» и др.; в десять перешел к изучению законов и высказываний великих мудрецов прошлого, передававшихся изустно из поколения в поколение, а в четырнадцать, то есть на год ранее обычного срока, – к искусству религиозной полемики.

В том, как Иосиф подчеркивает, что он «много преуспевал в учении, отличаясь, как считали, памятью и разумением», можно усмотреть элемент хвастовства. Но, видимо, он и в самом деле был в детстве вундеркиндом, чудо-ребенком, одним из признаков которого как раз считалась хорошая память – с ранних лет еврейского мальчика приучали заучивать наизусть огромные отрывки текста, а то и целиком всю Тору. Высказывания мудрецов заучивались наизусть изначально, и потому именно хорошая память нередко была главным залогом успеха в обучении и одновременно постоянно развивалась в процессе учебы. Уже потом наступал черед развития самостоятельного мышления.

Иосиф и в самом деле был хорошим учеником. Об этом свидетельствуют многие страницы его «Иудейской войны»: споря как со своими соплеменниками, так и с иноверцами, он свободно приводит в качестве аргументов примеры из той или иной священной книги, а порой и цитирует их – правда, допуская иногда неточности. Сам же стиль его речи, свобода обращения с источниками свидетельствуют о том, что он и в самом деле, говоря словами еврейских мудрецов, в детстве и отрочестве в ходе учения был подобен впитывающей в себя все губке¹⁸.

Английский историк Десмонд Сьюард, касаясь процесса обучения Иосифа, пишет: «Понятно, что Маттитьягу и его супруга не жалели ни сил, ни средств для образования Иосифа и его старшего брата, которого также звали Маттитьягу. Иосиф ясно говорит об „обоих родителях“. Это звучит неожиданно, поскольку у женщин в иудаизме не было никакого права принимать участия в образовании детей и никакой религиозной функции»¹⁹.

Сьюард в данном случае излагает традиционный взгляд на роль женщины в иудаизме, которая сводилась исключительно к рождению детей и заботе о родном очаге. Женщина, согласно такому взгляду, обязана была знать правила кашрута, то есть диетарные законы Торы и законы семейной чистоты, но не умела читать и писать, а необходимые ей молитвы заучивала наизусть. Такой же взгляд исповедует и Фейхтвангер, воплощая его в образе Мары – еврейской девушки, ставшей рабыней императора Веспасиана и первой женой Иосифа. Но эта картина вряд ли отражает реальное положение вещей. Уже в Талмуде есть споры между мудрецами о том, должны ли отцы учить дочерей Торе или нет, и их мнения по данному вопросу разделяются. Сам факт такого спора и неоднозначность мнений свидетельствуют о том, что женщины, особенно в богатых еврейских семьях, все-таки учили Пятикнижие и владели грамотой. Так почему бы нам не предположить, что мать Иосифа, имя которой он не сохранил для истории, была из числа таких образованных женщин и участвовала в обучении сына – хотя бы в самые первые годы?!

Но то, что оба родителя занимались его образованием, отнюдь не означает, что они давали ему уроки. У них было достаточно средств, чтобы нанять превосходных частных преподавателей Писания и устной традиции, поскольку – и это тоже нам известно из Талмуда – многие знатоки Закона в ту эпоху бедствовали и вполне могли зарабатывать частными уроками для детей из богатых семей.

¹⁷ «Пиркей авот» («Поучения отцов»); 5:25 // Даат/Знание. М.; И-м, 2001. С. 157.

¹⁸ См. «Пиркей авот» («Поучения мудрецов»), 5:18 // Указ. изд. С. 147.

¹⁹ Десмонд Сьюард. Предатель из Иерусалима. Йосеф бен Маттитьягу, Массачусеттс и разрушение Иудеи / Пер. с англ. Ярон Бен Ами. Изд-во «Змورا Бейтан». Ор-Иегуда, 2009. С. 35.

Помимо религиозных дисциплин маленький Иосиф наверняка изучал и азы математики, включая не только четыре арифметические действия, но и, возможно, азы геометрии и правила действия с дробями (в Талмуде приводится немало подобных задач из житейской практики). Во всяком случае, какие-то зачатки математического мышления у него точно были и пригодились затем в один из самых драматических моментов его жизни, о котором нам еще предстоит узнать.

Тесса Раджак обращает особое внимание на упоминаемую Иосифом *philogammaton* – его любовь к грамматике, для которой он использует греческое слово. В этом ей видится намек на то, что он, вероятно, изучал греческий язык, а возможно и греческую философию. Впрочем, она тут же признаёт, что в тот период его жизни такое было маловероятно.

Это и в самом деле так. Изучение греческой (то есть языческой) философии мудрецами не приветствовалось, хотя сами они порой вели ожесточенные и весьма поучительные философские споры как с римскими, так и с греческими философами. Один из вопросов, занимающих исследователей: изучал ли Иосиф в отрочестве и юности греческий язык и литературу? И снова ответ на него скорее отрицательный, чем положительный.

Подавляющее большинство жителей Иерусалима и Иудеи в целом в I веке н. э. составляли евреи, говорившие между собой на арамейском языке и – реже – на иврите. Греческий в этих местах нужен был только для общения с римлянами и иностранными паломниками, а также за ближними и дальними пределами области – в Галилее или в самой Греции, на Кипре или Крите, куда жители Иудеи могло забросить по торговым делам. Поэтому на греческом в городе говорили только представители знати, да и то далеко не все.

Причем следует учесть, что в данном случае имеется в виду отнюдь не литературный греческий язык, то есть не классический аттический диалект, на котором написаны поэмы Гомера или драмы Софокла, а «койне» – так называемый «общий греческий», своеобразный жаргон, родившийся на основе смешения четырех диалектов греческого, на котором говорили во всех уголках Римской империи, включая и сам Рим.

Койне был языком международного общения, и знаменитая Септуагинта – перевод Торы на греческий, осуществленный 70 еврейскими мудрецами по указанию Птолемея Второго-Филадельфа в III веке до н. э., написана именно на этом языке. Таким образом, ученые евреи еще в тот период свободно владели койне; это знание сохранилось и в последующие столетия. Однако никаких сведений о том, что Иосиф Флавий учил койне в детстве, у нас нет.

Скорее всего, греческий язык Иосиф выучил гораздо позже – возможно, в двадцать с лишним лет, когда стал готовиться к поездке в Рим, но и это был не более чем разговорный койне. Литературным же греческим языком он – и это уже не вызывает сомнений – овладел, будучи в достаточно зрелом возрасте. При этом Иосиф всегда сознавал, что, когда пишет на греческом, ему требуется многоопытный взыскательный редактор.

Скорее всего, под «любовью к грамматике» Иосиф понимает любовь к чтению разнообразной литературы. Накопленная к тому времени еврейская литературная сокровищница была поистине огромна, хотя до наших дней, к сожалению, дошла лишь ничтожная ее часть. В нее входили как религиозные и философские сочинения, так и исторические трактаты, мемуары, переводы из древнеегипетской и ассирийско-вавилонской литературы и т. д. Все это хранилось в виде свитков в домашних библиотеках богатых евреев, а также в библиотеке Храма, и у Иосифа в детстве и в юности должен был быть к ним свободный доступ, которым он сполна воспользовался.

Только так можно объяснить тот факт, что в «Иудейских древностях» Иосиф явно пользуется не только Библией и сочинениями греческих историков, но и многими утерянными на сегодня еврейскими источниками, и свободно их цитирует. Причем пользуется нередко по памяти, которая, как бы хороша она ни была, не могла не подводить его в деталях.

Нет сомнений, что именно широкий круг чтения в итоге помог ему в овладении писательским мастерством: для написания столь крупномасштабных произведений, как «Иудейская война» и «Иудейские древности», одного врожденного таланта явно мало; нужен еще и солидный культурный багаж.

Что касается того, что к четырнадцати годам он уже считался выдающимся знатоком Торы и Закона, – это также отнюдь не выглядит пустым хвастовством. Еврейская история знает примеры подобной и даже куда большей религиозной образованности, когда мальчики восьми – десяти лет, не говоря уже об отроках постарше, поражали почтенных раввинов знанием наизусть огромных массивов текста, а иногда и всего Талмуда и проявляли удивительную способность к их анализу. Ну, а 13 лет считались у евреев возрастом совершеннолетия, и подростки этого возраста нередко на равных вели споры о том, как следует понимать те или иные религиозные предписания, или на религиозно-философские темы.

Что касается утверждения Иосифа о том, что «первосвященники и старейшины города постоянно приходили к нему, „чтобы уточнить что-нибудь из Закона“», то Раджак совершенно правильно отмечает, что рассказ этот напоминает известную евангельскую историю о двенадцатилетнем Иисусе, который пришел с родителями в Иерусалим на Песах и задержался там в Храме: «Через три дня нашли Его в Храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лк, 2: 46–47).

Из дальнейшего рассказа Евангелия следует, что дело происходило на женском дворе Храма (в другой сектор Мария просто не смогла бы войти), но обе эти истории, как ни странно, отнюдь не свидетельствуют о том, что Иисус и Иосиф были по своим знаниям на равных с мудрецами.

Не исключено, что речь идет об известном способе разрешения зашедшего в тупик спора по той или иной галахической, то есть связанной с еврейским религиозным законодательством проблеме. Для того чтобы поставить в нем окончательную точку, обращались к мальчику двенадцати-тринадцати лет (то есть такому, который вот-вот достигнет совершеннолетия или только что прошел через его церемонию). Такой отрок в силу незамутненности духовного зрения выступал в качестве своего рода арбитра, и его решение о том, на чьей стороне правда, принималось обеими сторонами.

В чем, видимо, можно не сомневаться, так это в том, что в 14 лет Иосифа, как и любого подростка в его возрасте, мучили вопросы о смысле жизни, о том, в чем состоит Высшая Правда. А кроме того – опять-таки как многих подростков – мысли о некоем своем великом предназначении; о том, что именно ему в силу своего происхождения, тяги к знаниям и благородства духа уготовлена особая роль в истории своего народа, а может быть, и всего мира. Не исключено, что он часто отождествлял себя в эти годы с библейским Иосифом – ненавидимым братьями, брошенным ими на поругание в яму, проданным в Египет и в итоге возвысившимся и спасшим всю семью. Эту ассоциацию он, видимо, пронесет через всю жизнь, и с годами она будет только усиливаться.

Общая атмосфера, царившая в Иудее того времени, и свойственная ему в общем-то на протяжении всей жизни религиозная экзальтация, только усиливали такие мысли и подталкивали юного коэна к напряженному духовному поиску.

* * *

Рассказ Иосифа о годах своей юности замечателен тем, что отразил в себе многие духовные и идейные поиски еврейской молодежи и – шире – всего еврейского общества I века н. э. В значительной степени наши знания об основных религиозно-идеологических течениях того времени базируются сегодня именно на сочинениях Иосифа Флавия, а все остальные исторические и теологические источники (включая Новый Завет) их лишь дополняют.

«Когда мне исполнилось 16 лет, – пишет Иосиф, – я решил изучить, чтобы как можно лучше узнать все имеющиеся у нас течения, которых, как я уже много раз говорил, по числу три. Первое – течение фарисеев, второе саддукеев и третье ессеев. Я думал, что после того, как изучу и узнаю все эти течения, смогу выбрать (для себя) лучшее из них. Потратив немало душевных и плотских усилий, я прошел через все три, но виделось мне тогда, что я все еще не достиг верного знания. И потому я стал учеником и последователем некоего человека по имени Банус, который жил в пустыне, одежду себе находя на деревьях и питаясь плодами диких деревьев, и часто днем и ночью окунался в холодную воду, чтобы быть (все время) в состоянии (ритуальной) чистоты. Я провел у него три года, и когда удовлетворил свою жажду познания, вернулся в город. В девятнадцать лет я стал заниматься общественной деятельностью и присоединился к течению фарисеев, которое напоминает греческое течение стоиков» (ЖО, 2:10–12).

Невозможно не заметить очевидной противоречивости этого отрывка: если Иосиф три года провел у некоего отшельника Бануса (Бана), а в девятнадцать лет уже занялся общественной деятельностью, то когда же он изучал остальные религиозно-политические течения своего времени, если приступил к их изучению в шестнадцать лет?

Большинство посвященных Флавию исследователей считают, что Банус был есеем, но это, безусловно, не так или по меньшей мере не совсем так.

Ессеи как направление, или, точнее, секта внутри иудаизма, появились еще в период восстания Маккавеев и просуществовали до конца эпохи Второго Иерусалимского Храма, но никогда не были многочисленны. В основу их мировоззрения была положена идея удаления не только от светской, но и вообще от обычной жизни с целью духовного и нравственного усовершенствования, доводя понятие благочестия до крайности. Так как в обыденной жизни соблюдать законы о чистоте и взятые ими на себя обеты было невозможно, то они удалялись в пустынные места и жили крайне замкнутыми общинами. Причем общинами чисто мужскими – женщин они в свою среду не допускали. Занимались они преимущественно земледелием и пчеловодством, так как среди прочего отказывались от употребления в пищу мяса животных.

Читатель уже наверняка заметил в образе жизни ессеев прообраз христианского монашества, но, помимо этого, их можно вполне назвать и провозвестниками коммунистической идеи.

Одним из основных правил их жизни было: «Мое да будет твоим, твое да будет моим». Всю имевшуюся у них собственность ессеи вручали выборному казначею, закупавшему все необходимое для общины. Питались они, как уже было сказано, только плодами земли; ели два раза в день по одному блюду, так как считали, что пища нужна человеку лишь для того, чтобы служить Богу. Одежду они носили крайне скромную и до полного износа. Человек, по их мнению, должен был подавлять в себе страсти, находить успокоение в вере, изучении священных книг и размышлениях о возвышенном, чтобы реализовать главную цель жизни – стать сосудом для восприятия «руах а-кодеш» («святого духа»). Сами они называли себя «сынами Света», относя к «сынам Тьмы» все остальное человечество, включая соплеменников.

«Вступить в общину (ессеев. – *П.Л.*) было трудно. Желавшие это сделать проходили испытательный срок в течение двух лет. После истечения этого срока общее собрание выносило решение о принятии кандидата в общину. Новый член передавал общине „все знания, труд и имущество“ (в уставе общины прямо сказано, что принятие нового члена сопровождается смешением его имущества с имуществом общины)²⁰, – пишет выдающийся советский историк религии И. С. Свенцицкая.

В восьмой главе второй книги «Иудейской войны» Иосиф Флавий чрезвычайно подробно описывает быт ессеев, их распорядок дня; рассказывает о том, что их общины были не только в пустыне, но и в различных городах и деревнях; о порядке их совместных трапез, постоянном ритуальном окупании с целью очищения (но не совершенно обнаженными), внутреннем кол-

²⁰ Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Изд-во политической литературы, 1987. С. 50.

лективном суде, а также о готовности всегда прийти на помощь ближнему, даже незнакомым людям, но не своим близким родственникам. Отмечает он и то, что были есеевские общины, которые придерживались безбрачия, а были и те, которые считали, что рождение детей – величайшая заповедь, и ради ее исполнения вступали в брак, но на время беременности жен прекращали с ними интимные отношения; подчеркивает их долголетие – многие из них доживали до ста лет и даже больше.

Особый интерес у него вызывают воззрения ессеев на жизнь после смерти: «Они именно твердо веруют, что хотя тело тленно и материя невечна, душа же всегда остается бессмертной; что, исходя из тончайшего эфира и вовлеченная какой-то природной пленительной силой в тело, душа находится в нем как бы в заключении, но, как только телесные узы спадают, она, как освобожденная от долгого рабства, весело уносится в вышину. Подобно эллинам, они учат, что добродетельным назначена жизнь по ту сторону океана – в местности, где нет ни дождя, ни снега, ни зноя, а вечный, тихо приносящийся с океана нежный и приятный зефир. Злым же, напротив, они отводят мрачную и холодную пещеру, полную беспрестанных мук. Эта самая мысль, как мне кажется, высказывается также эллинами, которые своим богатырям, называемым ими героями и полубогами, предоставляют острова блаженных, а душам злых людей – место в преисподней, жилище людей безбожных, где предание знает даже по имени некоторых таких наказанных, как Сизиф и Тантал, Иксион и Титий. Бессмертие души, прежде всего, само по себе составляет у ессеев весьма важное учение, а затем они считают его средством для поощрения к добродетели и предостережения от порока. Они думают, что добрые, в надежде на славную посмертную жизнь, сделаются еще лучшими; злые же будут стараться обуздать себя из страха перед тем, что даже если их грехи останутся скрытыми при жизни, то, по уходе в другой мир, они должны будут терпеть вечные муки. Этим своим учением о душе ессеи неотразимым образом привлекают к себе всех, которые только раз вкусили их мудрость» (ИБ, 2:8:11).

И далее он говорит о том, что, видимо, для него было особенно важно и притягивало его к ессеям: «Встречаются между ними и такие, которые после долгого упражнения в священных книгах, разных обрядах очищения и изречениях пророков утверждают, что умеют предвещать будущее. И, действительно, редко до сих пор случалось, чтобы они ошибались в своих предсказаниях» (ИБ, 2:8:12).

Все эти подробности не оставляют сомнений: какое-то время Иосиф бен Маттитьягу все же жил среди ессеев и мог пристально наблюдать за ними. Возможно, это продолжалось несколько месяцев, а затем он понял, что такая жизнь не для него, но с зорким взглядом писателю этого хватило, чтобы многое заметить и запомнить – на память он никогда не жаловался.

Что же касается отшельника Бануса, с которым Иосиф, по его словам, провел три года (что весьма удивительно для его явно несклонной к аскетизму натуре), то он не мог быть есеем, поскольку отвергал жизнь в общине. Банус явно разделял некоторые взгляды ессеев на то, как следует жить, но, возможно, сам считал себя пророком и посланником Божиим и создал некое собственное учение – подобных людей в то время в Иудейской пустыне было немало.

Что же целых три года могло удерживать избалованного, привыкшего к сытой и комфортабельной городской жизни юношу возле этого пустытника? Зная последующую историю жизни Иосифа, мы можем с большой степенью вероятности предположить, что Банус использовал некие мистические практики для того, чтобы притянуть на себя дух пророчества, и Иосиф хотел овладеть ими. Во всяком случае, он явно тяготел к мистике, хотя и старался этого не афишировать даже среди евреев, не говоря уже о явно тяготеющих к рационализму римских аристократах. Но в то же время он, видимо, поверил в то, что перенял это умение у Бануса и, приведя тело и дух в определенное состояние, также способен прозревать будущее.

Вернувшись домой, Иосиф, судя по всему, на какое-то время сблизился с партией саддукеев (цдуким). Основоположником ее по традиции считается первосвященник Цадок, которого Талмуд называет недоучившимся учеником мудреца Антигноса из Сохо (III век до н. э.).

Саддукеи отрицали Устную Тору, полагая, что необходимо следовать только Священному Писанию. Одновременно они отвергали идею посмертного воздаяния и считали, что душа умирает вместе с телом. Флавий, уподобляя фарисеев стоикам, сравнивает саддукеев с эпикурейцами.

Стоя одновременно на страже Закона (чтобы все было, «как написано») и отвергая любые нововведения, саддукеи видели в греческом и римском владычестве проявление Божьей воли, а потому охотно шли на сотрудничество сначала с Селевкидами, а затем и с римлянами. Почти все они принадлежали к зажиточным слоям общества.

Два последних обстоятельства обусловили то, что римские наместники предпочитали видеть на посту первосвященника именно представителя саддукеев и всячески поддерживали последних. Таким образом, принадлежать к саддукеям было попросту выгодно, и многие поддались этому соблазну. Не миновал он, по-видимому, на какое-то время и юного Иосифа, решившего попробовать свои силы на общественно-политическом поприще.

В той же главе «Иудейской войны» он дает саддукеям следующую характеристику: «Саддукеи – вторая секта – совершенно отрицают судьбу и утверждают, что Бог не имеет никакого влияния на человеческие деяния, ни на злые, ни на добрые. Выбор между добром и злом предоставлен вполне свободной воле человека, и каждый по своему собственному усмотрению переходит на ту или другую сторону. Точно так же они отрицают бессмертие души и всякое загробное воздаяние. Фарисеи сильно преданы друг другу и, действуя соединенными силами, стремятся к общему благу. Отношения же саддукеев между собой суровее и грубее; даже со своими единомышленниками они обращаются как с чужими» (ИВ, 2:8:14).

В итоге Иосиф, по его собственному признанию, решил примкнуть к фарисеям (порушим). Автор прекрасно понимает, какие ассоциации вызывает это слово у русскоязычного читателя и вообще у христиан.

Толковый словарь Ожегова в качестве синонимов слова «фарисей» дает такие слова, как «ханжа» и «лицемер», и в этом значении они пришли в русский язык из Нового Завета. Но в Евангелии от Матфея Иисус, с одной стороны, говорит: «берегитесь закваски фарисейской и садуккейской» (Мф. 16:6), – а с другой призывает: «Итак всё, что они („книжники и фарисеи“. – П.Л.) велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте» (Мф, 23:3), то есть требует неукоснительного соблюдения заповедей Торы именно в понимании их фарисеями, из чего следует, что и сам он по большому счету принадлежал к этому течению.

А апостол Павел с гордостью провозглашал в Синагогине: «Мужи братья! я фарисей, сын фарисея...» (Деян. 23:6).

Кстати, в Талмуде также содержится жесткая критика тех фарисеев, которые на словах провозглашают одно, а делают другое, так что герои Нового Завета в своей критике не одиноки – она была очень распространена в то время, будучи неотъемлемой частью нападок на образ жизни элиты (что было и, к счастью, будет во все времена).

В сущности, современный иудаизм – это иудаизм именно «фарисейского» толка, основанный на убеждении, что Тора содержит в себе ответы на все вопросы, которые ставит перед евреем жизнь; что судьба каждого еврея и всего еврейского народа зависит от того, насколько ревностно евреи соблюдают заповеди Торы. Одновременно фарисеи настаивали на следовании как Письменной Торе, так и устному преданию, а также расширенному толкованию текста Священного Писания, с тем чтобы оно отвечало требованиям сегодняшнего дня.

«Из двух первенствующих сект фарисеи слывут точнейшими толкователями закона и считаются основателями первой секты. Они ставят всё в зависимость от Бога и судьбы и учат, что хотя человеку предоставлена свобода выбора между честными и бесчестными поступками, но что и в этом участвует предопределение судьбы. Души, по их мнению, все бессмертны; но только души добрых переселяются после их смерти в другие тела, а души злых обречены на

вечные муки...» (ИВ, 2:8:14). Это, кстати, одно из важных свидетельств Иосифа, доказывающее, что уже в ту эпоху еврейские мудрецы верили в «гильгуль нешамот» – переселение душ.

Разница в политических взглядах между саддукеями и фарисеями заключалась в том, что последние отвергали какое-либо сближение с греками и римлянами и считали, что любое, даже самое косвенное участие еврея в их праздниках означает его впадение в язычество.

Исследователей среди прочего занимает вопрос, к какой из двух партий принадлежал Маттитьягу, отец Иосифа. Точных указаний самого Флавия по этому поводу нет, но вероятнее всего, он был фарисеем – особенно учитывая его дружбу с одним из лидеров этой партии р. Иехошуа бен Гамлой. Однако в силу своего происхождения он мог поначалу принадлежать и к саддукеям и изменить взгляды с течением времени.

Сам факт, что родители позволили Иосифу искать себя в самых разных течениях, говорит о толерантности еврейского общества того времени – вопреки распространенному мнению, между теми же саддукеями и фарисеями было ожесточенное политическое соперничество, но не было смертельной вражды. По ряду вопросов их мнения совпадали, и они могли даже сотрудничать, а молодежь вообще могла время от времени переходить из одного лагеря в другой в соответствии с изменениями в своем мировоззрении. Однако по мере роста антиримских настроений во всех слоях населения эти разногласия становились всё более и более непримиримыми, а к тому моменту, когда Иосиф вступил из юности в молодость, изменились настолько, что перешли в откровенную вражду.

Вместе с тем – видимо, уже после того, как он решил попробовать себя на политическом и военном поприще, – Флавий понял, что на самом деле в еврейском обществе существуют не три, а четыре идейных течения. Причем, при всей малочисленности четвертого, его никак нельзя сбрасывать со счетов.

Вот как он пишет об этом в тех же «Иудейских древностях»: «Родоначальником четвертой философской школы стал галилеянин Иуда. Приверженцы этой секты во всем прочем вполне примыкают к учению фарисеев. Зато у них замечается ничем не сдерживаемая любовь к свободе. Единственным руководителем и владыкою своим они считают Господа Бога. Идти на смерть они считают за ничто, равно как презирают смерть друзей и родственников, лишь бы не признавать над собою главенства человека. Так как в этом лично может убедиться воочию всякий желающий, то я не считаю нужным особенно распространяться о них. Мне ведь нечего бояться, что моим словам о них не будет придано веры; напротив, мои слова далеко не исчерпывают всего их великодушия и готовности их подвергаться страданиям. Народ стал страдать от безумного увлечения ими при Гессии Флоре, который был наместником и довел иудеев злоупотреблением своей власти до восстания против римлян» (ИД, 2, XVII, 1:6).

Под этой «четвертой философской школой» Флавий имеет в виду zelotim и sicarii: они и в самом деле были основной движущей силой антиримского восстания, итогом которого стало разрушение Иерусалима и Храма.

Иегуда Галилеянин, о котором он говорит, был сыном казненного Иродом Великим мятежника Хизкии. После смерти Ирода он поднял мятеж против очередной переписи населения, организованной римским прокуратором Квиринием. Мятежникам удалось захватить арсенал в цветущем, хорошо укрепленном городе Сепфорисе (Ципори), и полученное таким путем оружие еще больше разожгло пламя восстания. В итоге оно было в буквальном смысле слова потоплено в крови, а сам Иегуда убит.

Однако его затаившиеся в горах Галилеи последователи сохранили не только память о своем лидере, но и верность его идеям, центральная из которых заключалась в том, что евреи должны служить только Богу, только Его называть Господином. Любая чужеземная власть является враждебной, а потому не только римляне, но и те евреи, которые с ними каким-либо образом сотрудничают, должны быть уничтожены. Только после уничтожения ненавистного режима Господь явит Своему народу Мессию, который и установит на Земле новый миропо-

рядок, в котором все человечество будет избавлено от мук и страданий, а евреи займут полагающееся им место «народа священников и святых».

Смерть не страшила последователей этой философии – ведь, как и фарисеи, они верили в то, что мученически погибших за веру и освятивших своей смертью имя Творца ждет «олам а-ба» – «будущий мир», хотя что он собой представляет, понимали очень размыто. Как бы то ни было, они шли на смерть легко и радостно.

Традиция предпочтения убийства своих близких и последующего самоубийства сдаче в плен и попаданию в рабство, начавшаяся еще во время подавления волнений в Галилее Иродом, получила в их среде очень широкое распространение. Сами они себя называли «канаим», что на иврите означает «ревнители» и переводится на греческий как «зелоты».

Осознавая, что разжечь пламя нового народного восстания не так просто, последователи Иегуды Галилеянина, возглавляемые его сыновьями Яковом, Симоном (Шимоном) и Менахемом, решили перейти от проповеди своих идей к террору. Зачастую их действия сводились к откровенному разбою – ограблению богатых язычников и евреев, поджогам зданий, в которых находились те или иные римские учреждения и т. д., а затем и к убийствам.

После этого за ними закрепилось название «сикарии» – от латинского «sica» – «кинжал». Как сообщает Иосиф Флавий, их излюбленным приемом было явиться в Иерусалим под видом мирных паломников, спрятав кинжал под одеждой, затесаться в толпу, а затем нанести смертельный удар выбранной жертве – как правило, еврею, замеченному в дружбе или сотрудничестве с римлянами. Многие историки считают, что именно сикарии являются основоположниками политического терроризма. В некоторых вопросах зелоты смыкались с ессеями, и некоторые исследователи даже считают, что они были не более чем самым радикальным крылом ессеев. В «Иудейской войне» Иосиф называет сикариев не иначе как «шайкой разбойников», и, видимо, он был далеко не одинок в этой оценке.

Читатель уже наверняка обратил внимание, что среди сколько-нибудь значимых течений религиозной, общественной и политической мысли Иосиф Флавий не упомянул христиан. В его время они, безусловно, существовали, но были, видимо, крайне малочисленны и непопулярны.

Остается главный вопрос: в чем, собственно говоря, состояли убеждения самого Иосифа Флавия? Видимо, Лион Фейхтвангер в «Иудейской войне» прав, когда описывает его душевные и идейные метания. Будучи критически мыслящим и одновременно очень эмоциональным молодым человеком, Иосиф просто по определению не мог стать фанатическим приверженцем какой-то одной точки зрения.

В вопросах понимания Священного Писания он, безусловно, был на стороне фарисеев и так же, как и они, был убежден в однозначном духовном и интеллектуальном превосходстве еврейской монотеистической культуры над языческой – и он докажет верность этим взглядам в своем гениальном трактате «Против Апиона». Вместе с тем он втайне разделял и позицию саддукеев о том, что власть Рима – не самое большое зло; в ней есть свои преимущества, и надо их использовать, а не идти на какие-то самоубийственные военные и политические шаги – и потому он решительно осуждал тех же сикариев и не хотел иметь с ними ничего общего.

Однако стоило римлянам совершить очередную провокацию против евреев и их веры, посягнуть на Храм, насильно начинать насаждать язычество и устраивать жестокие расправы по отношению к тем же зелотам – и в нем начинало преобладать национальное чувство. Его симпатии вмиг разворачивались в сторону ревнителей-зелотов, и их чаяния становились и его чаяниями.

Но как бы ни складывались обстоятельства в тот или иной момент его жизни, он продолжал верить в то, что Всевышний предназначил его для некой великой миссии. Придет час – и он должен будет исполнить это предназначение, с тем чтобы его имя навек сохранилось в народной памяти.

Глава 3

Бурная юность

Следует заметить, что обращение молодого Иосифа бен Маттитьягу к общественно-политической деятельности было, безусловно, закономерным – к этому поприщу, видимо, изначально готовили его родители и стремился он сам.

Как мы уже говорили, дом Маттитьягу-коэна был открыт для гостей, среди которых были первосвященник и рядовые священнослужители, и члены Синедриона, и просто знатоки Писания, и можно не сомневаться, что большинство разговоров этих уважаемых мужей включало в себя и обсуждение политических новостей, а также яростные споры о том, как влиять на настроение народных масс и куда вести нацию дальше.

Так как, в отличие от римлян, у евреев детям всегда разрешалось присутствовать на общих трапезах и при разговорах взрослых, то Иосиф с детства был свидетелем таких споров, пересудов, а также и неминуемо возникающих во время таких застольных бесед воспоминаний о давнем и недавнем прошлом.

И его отец, и многие родственники и друзья семьи Маттитьягу еще хорошо помнили последние годы правления Ирода Великого. Помнили со всеми его ужасными злодеяниями, но и с грандиозным строительным пылом, а также финансовыми и политическими шагами, значительно улучшившими положение евреев, живущих как на родине, так и в других областях Римской империи.

С высоты всего в несколько десятилетий они даже начали слегка идеализировать страшные годы. Да, при Ироде надо было уметь держать язык за зубами. Да, существовала большая вероятность быть схваченным на улице, а потом навсегда исчезнуть в подземельях царского дворца (причем чем выше было твое общественное положение, тем выше была такая вероятность!). Но ведь с другой стороны, при Ироде все же был порядок; власть римлян ощущалась не так явственно, а в дни голода он находил средства для закупки зерна и раздачи его народу. А вот после его смерти все покатило под откос. Наследники царя показали полную несостоятельность: постоянно ездили в Рим разбираться друг с другом, что вызывало понятное недовольство народа. А как следствие этого, и в Иудее, и в Галилее, и в Самарии началась смута, которая, по сути дела, с тех пор и не прекращалась – короткие времена затишья сменяются новыми бунтами.

Тогда, в 3756 году по еврейскому календарю (4 год дон. э.) римский наместник Сирии Вар направил в Иерусалим третью часть всей имеющейся у него армии, которая присоединилась к уже находившимся там римским солдатам. Когда квестор Сирии (то есть управляющий финансами провинции) Сабин потребовал выдать ему сокровищницу Ирода, это вызвало взрыв народного негодования. А тут еще приближался Шавуот²¹, праздник дарования Торы, и тысячи паломников устремились в Иерусалим. Эта огромная толпа в какой-то момент окружила римлян, и те оказались в осаде.

Сабин в ответ дал указание легионерам прорываться в сторону Храма, и исход этого боя профессиональных бойцов с не имеющим никакого военного опыта простонародьем был предрешен. Чтобы сдержать наступление римлян, евреи поднялись на построенную Иродом ведущую к Храму изумительной красоты галерею и начали оттуда стрелять в противников из лука. Римляне в ответ подожгли галерею, и часть из тех, кто там стоял, сгорела заживо, часть предпочла покончить жизнь самоубийством, вонзив меч в живот; а те, кто спрыгнул вниз, разбились или были заколоты римлянами.

---

²¹ В христианской традиции этот праздник называется Пятидесятница.

Тем не менее Сабин после этих событий отступил, а мятеж охватил все области Святой Земли. Именно тогда Иегуда Галилеянин, сын казненного Иродом без суда Хизкии, и собрал вокруг себя множество недовольных как римлянами, так и любой властью вообще, захватил оружейные склады в Сепфорисе и поднял знамя восстания.

На самом деле очагов восстания было множество, поскольку почти каждый, в ком были хоть какие-то лидерские качества, спешил в том году провозгласить себя вождем, а то и царем, но нередко вся их борьба сводилась к нападению на небольшие отряды римлян и к грабежам.

Вар в итоге затушил все эти очаги мятежа, распяв больше двух тысяч его участников. Наследники Ирода превратились в правителей небольших областей, власть Рима стала всеобъемлющей, и в 6 году в Иудею прибыл первый прокуратор (то есть, по сути дела, управляющий областью, подчинявшийся наместнику-губернатору Сирии) Колоний. Вскоре после его вступления на этот пост Иегуда Галилеянин поднял новое восстание, в ходе которого был убит.

За Колонием на посту прокураторов Иудеи последовали Амбвиний, Анней Руф, Граций и Понтий Пилат. Последний особенно прославился своей жестокостью и вероломством. Именно за явное превышение власти Пилат был отправлен в 36 году на суд императора в Рим, признан виновным, сослан в Галлию, где и покончил жизнь самоубийством.

Иосиф родился вскоре после отставки Пилата, и его детство проходило на фоне царствования Агриппы Первого, получившего, как уже рассказывалось, от Калигулы Батанею и Трахонею, к которым впоследствии тот прибавил еще и Галилею и Перею – земли изгнанного в 39 году другого дяди Ирода, Антипы. Его влияние в кулуарах римской власти оставалось огромным, и когда на престол взошел Клавдий (41–54), Агриппа выступил в качестве посредника между сенатом и новым императором, чем помог тому удержаться на троне. В благодарность Клавдий сделал его еще и царем Иудеи и Самарии, и таким образом его царство оказалось даже больше, чем царство его великого и безумного деда.

Должность прокуратора при Агриппе была упразднена, а новый царь на деле доказал, что в нем течет не только кровь идумея Ирода, но и кровь Хасмонеев, проявив себя как мудрый, рачительный и в то же время преданный своему народу правитель. Как уже было сказано выше, Иосиф рассказывает и в «Иудейской войне», и в «Иудейских древностях» о периоде правления Агриппы Первого с такими подробностями, что почти не остается сомнений, что он мальчиком лично слышал рассказы взрослых о новом царе и его деятельности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.